

М. Б. Мирский

СТАНОВЛЕНИЕ ГОЛИЦЫНСКОЙ БОЛЬНИЦЫ (1802—1833 гг.)

НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н. А. Семашко РАМН, Москва

К концу XVIII века действовавшие в Москве и Петербурге больницы (Павловская, Екатерининская, Обуховская и др.) уже не могли удовлетворять потребностей значительно выросшего населения обеих российских столиц. В Москве возникла необходимость в увеличении числа крупных городских больниц. Первым, кто откликнулся и предложил помочь городу, был князь Д. М. Голицын.

Голицыны в течение многих столетий верно и преданно служили Российскому государству. Они стали известны не только благодаря своему аристократическому происхождению, но и как полководцы и флотоводцы, государственные деятели, дипломаты, писатели, ученые, музыканты и композиторы.

Незаурядным представителем древнего рода был и князь Дмитрий Михайлович Голицын (1721—1793 гг.), который прославился на дипломатическом поприще, а также как меценат и благотворитель. Он решил сделать первопрестольной пристани княжеский подарок — построить в Москве больницу. Это, однако, оказалось весьма непростым и, как выяснилось, чрезвычайно дорогим делом. Тогда обладатель несметных богатств князь Голицын совершил немислимый, с точки зрения обывателей, да и многих аристократов своего круга, поступок: всю свою уникальную, богатейшую коллекцию картин, которую он собирал всю жизнь, он решил продать, а деньги направить на сооружение больницы. Так он и написал в своем завещании, составленном в 1792 г. Кроме того, князь передавал на больницу 850 тыс. руб. (огромные по тем временам деньги), а также "доходы с 2 вотчин с 2000 душ крестьян".

После смерти князя Д. М. Голицына Императрица Екатерина II утвердила его завещание и своим указом, подписанным в 1794 г., разрешила его душеприказчику, двоюродному брату князю А. М. Голицыну, выполнить волю покойного — соорудить новую больницу.

Это лечебное учреждение предназначалось "для помещения больных до 50 человек (ек), а потом, смотря по ценам вещей и доходу, умножать оное, выстроить приличный и спокойный каменный и прочный дом, со всеми к оному принадлежностями, как-то: для помещения разных чиновников и прислужников комнатами, аптекою, лабораторию, поварнею и другими нужными строениями... Больница сия в довольном количестве должна быть снабжена всеми для оной необходимыми потребностями, как-то: для больных бельем, постелями, нужную мебелью, лекарством, равно как и хирургическими инструментами... Для наблюдения же должного порядка во внутреннем устройстве при больнице и управлении всем домом... быть инспектору и смотрителю, штаб или обер-офицерских чинов, при них 1 бухгалтеру и 2 писарям, подчинив ему всех тут в больнице живущих нижних чинов: сидельников, поваров, сторожей и прочих".

Утверждая приложенный к завещанию план новой больницы, Екатерина II написала: "Чтоб сие толико полезное и богоугодное заведение сохраняемо было на вечныя времена в ненарушимости".

Для будущей больницы было выбрано место на берегу Москвы-реки: князь А. М. Голицын купил расположенное здесь бывшее имение барона Г. А. Строганова и смежную землю мешанина Овечкина. Наконец, 20 июля 1796 г. состоялась закладка главного здания больницы.

Сооружение новой больницы как "приличного и спокойного каменного и прочного дома" продолжалось несколько лет. Велось оно по проекту, разработанному знаменитым русским архитектором В. И. Баженовым. После его смерти строительство закончил не менее знаменитый архитектор М. Ф. Казаков.

Голицынская больница должна была стать и стала одной из красивейших в Москве. К трехэтажному зданию главного корпуса с церковным куполом посередине примыкали два двухэтажных флигеля и другие строения, призванные обеспечить все нужды больницы. Через несколько десятилетий после завершения всех строительных работ на территории больницы, кроме

главного корпуса, было 6 двухэтажных и 7 одноэтажных каменных флигелей, а также 14 деревянных строений.

Осенью 1801 г. была освящена сооруженная в больнице церковь, а ровно через 6 лет после начала строительства 22 июля 1802 г. в главный больничный корпус уже поступили первые больные. Главным директором новой больницы стал душеприказчик покойного Д. М. Голицына А. М. Голицын. Он много сделал для того, чтобы больница, получившая название Голицынской, стала подлинным лечебным учреждением.

Первоначально в больнице было 50 коек, но уже в 1805 г. она расширилась до 100 коек и стала одной из самых крупных в Москве. Принимали сюда всех бедных людей, нуждавшихся в лечении.

Еще при утверждении Екатериной II плана новой больницы предполагалось, что "все бедные и неимущие обою пола люди принимаемы и лечимы в сей больнице будут безденежно". Но при открытии больницы эти первоначальные намерения были изменены — вероятно, следовали примеру других московских больниц.

Как и в других московских больницах (Павловской, Екатерининской), первоначально с поступающих больных, с тех, "у кого был достаток", стали брать плату (5—6 руб. ассигнациями в месяц); за крепостных должны были платить помещики. Этот порядок, однако, продержался недолго. Уже через год 22 июля 1803 г. А. М. Голицын отменил плату за лечение: он посчитал, что плата за лечение компрометирует идею христианской благотворительности, положенную в основу создания и деятельности Голицынской больницы. К тому же специальные расчеты показали, что "платеж не составляет в месяц и пятой доли того, во что каждый больной обходится, а только затмевает то благо намерение, с каким основана оная больница".

Главный директор заботился и о сотрудниках больницы. Он добился для них определенных льгот. Так, по его просьбе император Александр I высочайшим рескриптом установил, что состоящие при больнице чиновники (т. е. служащие, в число которых входили доктор и лекарь) считались состоящими в действительной службе, это давало им ряд важных преимуществ.

1 февраля 1802 г., еще до официального открытия больницы, были сформулированы правила приема больных: "Привозимых же в больницу больных принимать только тех, которые окажутся к излечению способными, но из них помещать прежде таковых, кои требуют скорейшей помощи, а потом тех, которые еще болезнь сносить могут. Неспособных же к лечению отнюдь не принимать". Таким образом, правила приема больных старались обеспечить, во-первых, принцип экстренности медицинской помощи, и, во-вторых, стремление не превращать больницу в богадельню.

В этих первоначальных правилах предусматривалось, что лекарства больным должны раздавать сами лекари, а не их ученики, и, что очень важно, устанавливалось, что "дежурный лекарь никогда не должен от больницы отлучаться".

Надо отдать должное главному директору больницы: особенно много усилий он приложил к тому, чтобы лечебная практика в возглавляемой им больнице соответствовала уровню тогдашней медицинской науки, в частности, чтобы здесь использовались, как он писал, "хирургические инструменты, выписанные из Англии и другие здешние", применялись принятые медициной того времени методы диагностики и лечения.

Хотя в врачебной практике того времени продолжала царить полипрагмазия, порождавшая обоснованный скептицизм, все же в клиническую медицину и хирургию начали проникать принципы патогенетического и этиотропного лечения, стали формироваться рожденные научным прогрессом новые, более радикальные специфические методы терапевтического и хирургического характера.

На должность старшего врача А. М. Голицын пригласил Е. О. Мухина, который занимал эту должность с 1 января 1802 г. и, конечно же, участвовал во всех приготовлениях к открытию больницы.

В апреле 1802 г. он официально поступил во вновь открытую Голицынский больницу "с титулом первенствующего доктора", т. е. стал главным врачом больницы, и оставался в этом "титуле" до 1812 г.

В день торжественного открытия больницы 22 июля 1802 г. князь Голицын вручил Мухину "Инструкцию доктору". В ней говорилось:

"Голицынской публичной больницы г. доктору Ефрему Осиповичу Мухину.

По дознанной мною в вас во врачебном искусстве опытности, особливим способностям и собственному желанию вашему, избираю я вас в учрежденную мною больницу по медицинской части первенствующим с производением в год по шести сот рублей, которая вы уже и действительно получаете с достаточными для житья вам покаями, людьми, службами, кухнею, погребом, сараем и конюшнею, на готовых дровах и свечах, с подчинением вам по вашей врачебной должности всех к заведению сему принадлежащих медицинских служителей, как-то: лекарей, лекарских учеников, фельдшеров и повивальной бабки, долженствующих по их способностям заниматься своими должностями"¹.

Сам доктор обязан был посещать больницу 2 раза в день: утром летом в 7 ч, а зимой в 8 ч, после обеда — в 5 ч; в это время прочие служители должны находиться на своих местах и ждать доктора. После обхода больничных комнат и осмотра всех больных доктор должен был "по роду болезни каждого делать предписание" (назначать лечение): предписание записывалось в особую книгу (фактически историю болезни), потом писался рецепт на лекарство и отсылался в аптеку. В обязанности доктора входило также следить за питанием больных — "все ли свежее и хорошее покупается, по предписанию ли приготовлено и в той ли мере выдается".

Особое внимание следовало уделять больным, страдавшим "прилипчивыми болезнями": их не следовало помещать в больницу, требовалось избегать какого-либо общения с ними. Тех больных, которые страданием своим могли причинять беспокойство другим, следовало помещать в особые комнаты.

Врачебная и хирургическая практика Мухина была чрезвычайно большой. Как свидетельствовали современники, "без Мухина не обходился почти ни один медицинский консилиум; по всем концам Москвы были рассеяны его пациенты"². Следует отметить, что он лечил старшего брата Н. И. Пирогова, тогда же познакомился с будущим великим хирургом и впоследствии сыграл большую роль в том, что юный (14-летний) Пирогов стал студентом Московского университета.

Хирургическая практика Мухина в Голицынской больнице вызывала интерес не только у его коллег, но и у широкой общественности. Так, в 1804 г. журнал "Вестник Европы" сообщал про "операции, сделанные в Голицынской публичной больнице Доктором-Оператором Ефремом Мухиным". Одно лишь перечисление операций, которые производил Мухин, свидетельствует, что "первенствующий врач" Голицынской больницы был опытным хирургом, владевшим едва ли не всеми применявшимися тогда оперативными вмешательствами и успешно применявшим их на практике.

О большой хирургической активности Мухина свидетельствуют такие факты. Только за 4 мес, с 1 апреля по 1 августа 1804 г., Мухин сделал в Голицынской больнице 16 операций, в том числе "отпилена пленная кость руки после антонова огня; снята плевчатая застенка глаза (pterygium);... отнята нога выше колена; вырезана мешечная опухоль раком пораженному на сгибе локтя с рукою, а другому на груди нарочитой величины; вынут камень из мочевого пузыря чрез между-проходную боковую операцию (sectio lateralis), величиною с большой грецких орех; ... сделана операция совершенного заднепроходного свища". Кроме того, несколько операций сделали его помощники — лекари М. Д. Давыдов и И. К. Кирилов, работавшие в Голицынской больнице под руководством Е. О. Мухина³. Всего за первые 4 с половиной года (1802—1807) здесь было сделано 688 операций — хирургических, акушерско-гинекологических, глазных, ушных, причем 404 операции произвел сам Мухин, а 284 — его сотрудники (разумеется, под наблюдением, а то и при участии Мухина).

Уместно напомнить, что, будучи одним из лучших клиницистов-хирургов Москвы, Мухин охотно откликался на просьбы своих коллег и пациентов принять участие в консилиуме, а чаще — произвести оперативное вмешательство. Он нередко

консультировал и лечил (оперировал) не только в Голицынской больнице, но и в других лечебных учреждениях (Московский госпиталь, Павловская больница и др.), а также дома у тех пациентов, где для этого были соответствующие условия. Это подтверждают сведения "О хирургических операциях, благополучно сделанных Надворным Советником Доктором и Оператором Мухиным вне Голицынской публичной больницы" в 1805 г.

Масштабы хирургической деятельности Мухина, быстро ставшего одним из самых популярных врачей Москвы (как вспоминал проф. Г. Я. Высотский, Мухина тогда называли "другом человечества", "другом страждущих"), постоянно расширялись. "Приобретши великое доверие и надеяние на мое искусство от знаменитой Московской Публики и живущей в окрестностях ее, также лестное для меня одобрение от Главного Начальства, — писал Мухин, — был я столько счастлив, что убедил сим Главного Директора Голицынской больницы известить Почтеннейшую Публику, дабы страдающие скорбями всех состояний и званий люди имеющие нужду в операции, являлися в Голицынский Больницу, где будут во всякое время и без всякаго отлагательства приняты и получают надлежащую совершенно безкорыстную помощь"⁴.

Информация об этой своеобразной "скорой помощи", организованной Мухиным в Голицынской больнице, появилась в "Московских Ведомостях" и быстро распространилась по Москве. К Мухину потянулись больные: "Стечение страждущих с году на год многочисленнейшее, — отмечал Мухин, — не только из жителей Московских, но даже в отдаленнейших окрестностях Москвы обитающих ...нередко из отдаленнейших мест России".

Объем лечебной работы самого Е. О. Мухина в больнице постоянно возрастал. Поэтому Мухин обратился к князю Голицыну с просьбой дать ему еще помощников-врачей. Главный директор пошел ему навстречу и взял в сентябре 1804 г. "в помощники доктору Мухину" еще одного врача — штаб-лекаря И. А. Генделиуса.

Возникло, однако, неожиданное препятствие: надворный советник Генделиус "сколько по чину его, столько по старшинству и искусству, не согласился быть в подчиненности" у доктора Мухина, "кроме как в нужных случаях просить советов о болезнях". Поэтому решено было "отделить ему для присмотра половинную часть больных". Однако Генделиусу была дана подробная инструкция о его должностных обязанностях; составил эту инструкцию скорее всего старший доктор больницы Е. О. Мухин.

Штаб-лекарю Генделиусу поручались "присмотр и попечение" всех женщин, находившихся в больнице, и мужчин, размещавшихся на верхнем этаже главного корпуса. Ему подчинялись лекарь М. Д. Давыдов и три лекарских ученика, а также при надобности фельдшер и повивальная бабка. Больницу Генделиус должен был посещать 2 раза в день: утром в 7 ч (зимой в 8 ч) и вечером в 5 ч. Ему следовало делать обход, осматривать всех больных, назначать лечение и необходимые лекарства; в трудных случаях, "при опасных и важных болезнях и операциях", следовало советоваться со старшим доктором Е. О. Мухиным. Подчеркивалось, что Генделиус обязан был следить и за "присмотром" (уходом), чтобы больные ни на один час не оставались без лекаря или ученика.

В помощь Мухину был взят и молодой, но уже опытный лекарь И. И. Крылов. Ему, как определил Мухин, следовало в присутствии доктора лечить "все наружные болезни, требующие особого искусства": делать операции, кровопускания, лечить переломы и вывихи, производить перевязки значительных ран и пр. Он должен был принимать и осматривать вновь поступающих больных, назначать им необходимое лечение. А во время дежурства лекарь Крылов обязан был никуда из больницы не отлучаться и обходить ее несколько раз в сутки.

В дальнейшем в Голицынской больнице под руководством Мухина работали лекари А. О. Михайлов, Н. И. Томашев, Н. И. Яцкевич, а также А. И. Петров — впоследствии профессор Московской медико-хирургической академии, И. В. Клементовский, тоже ставший профессором этой академии; все они помогли Мухину и в проведении хирургических операций.

Успешная хирургическая деятельность Мухина живо интересовала общественность не только Москвы, но и всей России. В 1804—1807 гг., да и позднее, об этом часто писали журналы "Вестник Европы", "Новости русской литературы", "Медико-физический журнал". Его оперативную технику современники по праву считали выдающейся, "особливою". Благодаря операциям Мухина Голицынская больница стала признанным центром российской хирургии, завоевала славу одной из лучших больниц России.

В 1810 г. Мухин, ставший профессором кафедры анатомии

⁴Мухин Е. О. Описания хирургических операций. — М., 1807.

¹Сто лет Голицынской больницы. — М., 1902. — С. 50.

²Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. — М., 1855. — Ч. II. — С. 141—142.

³Мирский М. Б. Хирургия от древности до современности. — М., 2000. — С. 329.

и физиологии Московской медико-хирургической академии, оставляет должность "первенствующего доктора" Голицынской больницы. Однако его хирургическая деятельность продолжается: он по-прежнему оперирует, в том числе и в Голицынской больнице, участвует в консилиумах, консультирует своих коллег-врачей. Кроме того, Мухину принадлежит большая заслуга в пропаганде и практическом внедрении вакцинации против оспы, прежде всего у детей. В годы работы его в Голицынской больнице противооспенные прививки делали главным образом маленьким жителям Москвы — только за 4 года — с 1802 по 1806 г. — было вакцинировано 10 915 детей.

Новому главному директору Голицынской больницы князю С. М. Голицыну, сменившему в 1807 г. на этом посту своего дядю А. М. Голицына, нелегко было подобрать для руководства медицинским делом такого же знающего и умелого врача-специалиста, как Мухин. Наконец, он остановил свой выбор на А. А. Альбини — опытном враче, докторе медицины, который занял эту должность в 1810 г. и оставался на этом посту 15 лет, до 1825 г. В это время наряду с большими изменениями в больнице поменялись и названия врачебных должностей. До 1815 г. старший врач именовался доктором, его помощник — штаб-лекарем, а остальные врачи — лекарями. С 1815 г. должность "первенствующего врача" называлась "старший врач-инспектор" и "главный доктор"; кроме того, в больнице был "помощник главного доктора" и "ординаторы".

Разумеется, самые большие изменения в Голицынской больнице произошли во время Отечественной войны 1812 г. Когда в сентябре 1812 г. французская армия вступила в Москву, больница, переполненная ранеными при Бородине русскими воинами, не прекратила своей работы; ее палаты не закрывались ни на один день.

Правда, врачей в больнице не было: доктор А. А. Альбини, штаб-лекарь М. Д. Давыдов и другие служащие покинули Москву вслед за князем С. М. Голицыным; лекарь И. В. Клементовский отправился сопровождать раненых русских офицеров в Ярославль и Казань. В больнице остались лишь эконом Цынгер, его помощник Анкудинов, аптекарь Винтер, лекарские и аптекарские ученики и прислуга.

Впоследствии старший больничный писарь Ф. Н. Щербаков вспоминал, что на следующий день после вступления французов в Москву аптекарь Винтер и помощник эконома Анкудинов, стремясь спасти больницу от разграбления, отправились в Кремль, где находился главный французский штаб, с просьбой занять Голицынскую больницу под госпиталь для раненых французских офицеров и выставить там воинский караул. Идея занять первоклассную, как убедились французы, больницу под госпиталь понравилась, и французское командование откликнулось на просьбу взять больницу под охрану — наполеоновский сынков Евгений Богарнэ, вице-король Италии, прислал для этого отряд солдат. Больница была спасена от разграбления; как отмечали современники, здесь "от нашествия неприятельского не пострадал ни один камень".

К вечеру того же дня стали привозить раненых офицеров; прибыли иностранные доктора, аптекарь с аптекой, ординаторы и фельдшеры. Потом привезли медикаменты из Полянской и Пятницкой аптек, все, что могли найти. Уже вскоре в Голицынской больнице находилось до 300 раненых и больных, в том числе 50 русских офицеров и солдат.

Всех пациентов лечили французские доктора — знаменитый Д. Ларрей (который на какое-то время стал главным доктором больницы), Деженет, Де-ла-Флиз и др.: помогли им русские лекарские ученики, в том числе А. Мигачев и В. Щербаков. Больше и успешнее всех оперировал знаменитый Ларрей, причем оперировал он и французов, и русских. Так, он ампутировал ногу у раненого при Бородине артиллерийского офицера А. С. Норова, впоследствии ставшего министром народного просвещения России.

В Голицынской и других больницах Москвы побывали многие врачи наполеоновской армии, которым интересно было познакомиться с лечебными учреждениями России. Увиденное произвело на них большое впечатление. Так, Ларрей свидетельствовал: "Привлекшие мое особенное внимание больницы сделали бы честь самой цивилизованной нации. Они делятся на военные и городские. В обширном военном госпитале мы нашли очень немного больных... Больницы гражданской не менее примечательны. Четыре главные из них — это Шереметевская, Голицынская, Екатерининская и Воспитательный дом"⁵. То же самое отмечал и помощник Ларрея доктор Де-ла-Флиз.

Когда в начале октября 1812 г. французы поспешно покидали Москву, они не смогли эвакуировать всех своих раненых. В Голицынской больнице осталось 27 французов и 14 русских;

всех их продолжали лечить возвратившиеся российские врачи — главный доктор А. А. Альбини (который впоследствии был награжден за это орденом Почетного легиона), штаб-лекарь М. Д. Давыдов, а также пришедшие им на помощь врачи Павловской больницы.

И уже вскоре после возвращения главного директора князя С. М. Голицына эконом больницы Х. Цингер сообщил, что все больничные строения целы, "кроме оконничных стекол, разбившихся от взорвания Кремля"; что из имущества (белья, матрасов, подушек) пропало то, что взято "при отправлении из Москвы французских раненых офицеров"; что "наша больница из всех московских именовалась главной, в которой был караул, лежали французской службы генералитет, штаб- и обер-офицеры, с небольшим числом их рядовых (всего 100—160 человек — М. М.), при том были и российской службы штаб- и обер-офицеры с рядовыми же"; что "медицинских чиновников больничных (врачей и фельдшеров — М. М.) не было, "смотрение и пользование было французскими"⁶.

Стоит добавить, что Голицынская больница оказалась в числе тех немногих лечебных учреждений Москвы, которые фактически мало или совсем не пострадали от военных действий и пожара. Более того, поскольку все московские аптеки оказались разграбленными, главный директор С. М. Голицын уже в августе 1813 г. организовал при больнице продажу лекарств жителям Москвы; как он писал, "отпуск для них лекарств с постановленной платою ни мало не противен тому благотворительному намерению, с каковым учреждено заведение". С той поры на многие десятилетия аптека Голицынской больницы была единственной из всех больничных аптек России, которая пользовалась правом свободной продажи лекарств.

После войны 1812 г. Москва, пострадавшая от большого пожара и грабежей, быстро отстраивалась. Увеличивалось и ее население. Все более необходимым становилось расширение Голицынской больницы, хотя бы до тех 100 кроватей, что были развернуты до войны.

Задача эта решалась постепенно. В 1813 г. к 50 кроватям, что были развернуты тогда, добавили еще 25, а уже в следующем году еще раз увеличили общее число кроватей и одновременно разместили в больнице 115 больных. При этом содержание 10 из общего числа 115 кроватей С. М. Голицын взял на себя; на эти кровати помещались его крепостные крестьяне, за каждого он платил по 20 руб. ассигнациями в месяц.

С целью дальнейшего усовершенствования больничного дела в 1815 г. были изданы подробные правила и инструкции для всех служащих. В их основу было положено желание "достигнуть до наилучшего порядка во всех отношениях человеколюбиваго сего заведения и довершить благодетельныя намерения завещателя".

Новые правила Голицынской публичной больницы (так она стала называться) содержали важное положение об управлении хозяйственными и врачебными делами. "Дабы подвергнуть те и другая под один необходимый надзор, и тем сблизить исполнение и ответственность к единой цели благоустройства, — говорилось в правилах, — должен быть один местный чиновник, управляющий под начальством и распоряжением главного директора всеми делами больницы. Но поелику хозяйство в сем заведении... по всем отношениям и во всяких случаях должно быть приспособлено к предметам врачевания, так чтобы первое служило последнему ближайшим подкреплением и тем бы вообще споспешествовало здравью больных, то и управляющий местный чиновник должен быть доктор, а по части хозяйственной он же инспектор"⁷. В соответствии с этим учреждалось местное начальство — правление больницы; в него входили доктор по обязанности инспектора, старший штаб-лекарь, эконом и бухгалтер.

Незадолго до принятия новых правил, в октябре 1814 г., князь С. М. Голицын обратился к Императрице Марии Федоровне с просьбой взять Голицынскую больницу под свое покровительство. Одним из первых актов императрицы было разрешение чиновникам (служащим) Голицынской больницы носить мундир, утвержденный для чинов ведомства Воспитательного дома.

Главный директор стремился укрепить материальное и финансовое положение больницы. В 1818 г. он решил приобрести для больницы хорошее доходное имение; выбор его остановился на богатом лесном имении во Владимирской губернии, стоившем более 300 тыс. руб. ассигнациями. На покупку этого имения у него было 200 тыс. руб.; остальные деньги были получены от продажи картинной галереи, пожертвованной больнице ее первым главным директором А. М. Голицыном, а двухэтажное здание, где раньше помещалась галерея, после продажи картин было приспособлено для летнего размещения больных.

⁵Сейдлер И. Московская Голицынская больница в ряду европейских больниц. — М., 1865. — С. 9.

⁶Сто лет Голицынской больницы. — М., 1902. — С. 30—31.

⁷Там же. — С. 147—148.

С течением времени изменились и правила приема больных. Вплоть до 1824 г. сюда принимали только таких больных, которых можно было вылечить. Затем настало время расширить эти правила, оказывать врачебное пособие и тем больным, которых тогдашняя медицина признавала неизлечимыми. Главный директор С. М. Голицын, желая облегчить участь неизлечимых больных, решил дать им приют в Голицынской больнице, приспособив для этого одно из зданий. Это решение — открыть в больнице новое отделение на 30 кроватей — было утверждено Императрицей Марией Федоровной. Расходы на содержание нового отделения взял на себя сам С. М. Голицын.

После смерти Марии Федоровны Император Николай I решил принять "сие благотворительное заведение под особенное мое покровительство" и "о делах онаго и о чиновниках при больнице служащих представлять мне непосредственно"⁸.

В 1832 г. князь С. М. Голицын учредил при больнице особую фельдшерскую школу; сюда принимали в ученики мальчиков — крепостных крестьян из принадлежавшего больнице имения. Позднее он представил, а император утвердил правила о награждении за добросовестную службу принадлежавших больнице крепостных фельдшеров, аптекарских учеников и писарей; всем им предоставлялись денежные награды, а после двадцатилетней службы давалась вольная — самая большая награда для крепостного.

Немало полезного сделал для больницы главный доктор М. А. Маркус, занимавший эту должность с 1825 по 1837 г. Воспитанник Петербургской медико-хирургической академии, в прошлом военный врач, он показал себя умелым администратором и знающим врачом. Когда в 1830 г. Москву поразила эпидемия холеры, Маркус как главный врач Голицынской больницы сразу же предпринял энергичные меры. Первым делом он приказал устроить в больнице карантин. Больницу оцепили солдаты, все ворота были постоянно заперты, около заборов ходили часовые, которые никого не выпускали и не выпускали. Современники рассказывали, что все, кто находился тогда в больнице, покупали себе съестные припасы (муку, крупу и пр.) из больничных амбаров; овощи брали с больничного огорода; мясо привозили к воротам и принимали на крючках; даже денежную сдачу следовало давать только серебряными или медными монетами, предварительно вымытыми в воде. Всякого, кто по необходимости приезжал в больницу, в аптеке возле самых ворот окуривали дымом.

Важную роль должен был играть хлор, применявшийся тогда почти повсеместно в качестве обеззараживающего средства. Поэтому каждому предписывалось носить на груди зашитую в мешочек хлорную известь, а в больничных комнатах (палатах) расставлены были тарелки с "хлористой водой" (раствором хлорной извести) или развешены намоченные ею полотенца. Правда, уже через 2 дня доктор Маркус распорядился убрать хлорную известь из всех больничных палат из-за ее вредного действия, а взамен окуривать палаты мятой с уксусом.

О своих наблюдениях над эпидемией холеры в Москве доктор Маркус сообщил в научном труде, изданном на французском языке (*Rapport sur le Cholera Morbus*) и получившем широкую известность за рубежом; за этот труд во Франции его наградили монтюновской премией и избрали членом французской медицинской академии. За деятельность по борьбе с холерой в Москве М. А. Маркус был награжден званием почетного лейб-медика Российского императорского двора.

⁸Малодетков С. Доброе дело князей Голицыных. — М., 1902. — С. 20.

В Голицынской больнице было многое сделано для организации в Москве офтальмологической помощи всем нуждающимся. Уже в 1825 г. по инициативе главного доктора М. А. Маркуса было выделено 10 коек специально для пользования глазных больных; это было второе (после Мариинской больницы) офтальмологическое отделение. Лечение больных было поручено доктору медицины П. Ф. Броссе, утвержденному ординатором больницы. Из-за увеличившегося количества пациентов встал вопрос об организации в Москве специальной глазной больницы. Такая больница на 20 мест была открыта в 1826 г. на частные пожертвования; ее главным доктором стал П. Ф. Броссе, не бросавший и работы в Голицынской больнице, — где он не только заведовал глазным отделением, но и был помощником главного доктора М. А. Маркуса.

Расширившиеся масштабы лечебной деятельности Голицынской больницы требовали увеличения штата "медицинских чиновников", прежде всего врачей. В больнице появились новые ординаторы. Это был, в частности, итальянец И. А. Ру, прибывший в Россию с войском Наполеона, взятый в плен и оставшийся здесь. Он стал ординатором, защитил докторскую диссертацию, был назначен помощником главного доктора больницы. Ординаторами стали лекарь М. П. Марокетти, И. Ф. Гебель — доктор медицины и хирургии Венского университета, выдержавший в Петербургской медико-хирургической академии установленный для желающих поступить в российскую службу иностранных врачей экзамен, а также штаб-лекарь С. С. Протопопов, доктора медицины А. П. Вияль и А. И. Ганотель. Высокая квалификация всех этих врачей свидетельствовала о стремлении повысить качество диагностики и лечения, использовать современные средства медицинской науки и практики.

Следует упомянуть и о том, что в Голицынской больнице почти с первых лет ее деятельности работали консультанты, обычно наиболее квалифицированные и компетентные специалисты. Одним из наиболее известных консультантов был профессор Московской медико-хирургической академии Г. Я. Высокский, ученик известного русского хирурга И. Ф. Буша. С 1828 по 1844 г. он как официальный консультант оперировал в Голицынской больнице, помогал в распознавании трудных случаев заболеваний, участвовал во врачебных консилиумах, делал профессорские обходы, быстро получил известность и как искусный хирург, и как основательный терапевт.

В первое десятилетие в больнице было 50—110 коек; затем их число стало медленно увеличиваться и в 30-е годы достигло уже 145. Действовали мужские (79 коек) и женские (66) палаты. Если в первое десятилетие больница каждый год принимала на лечение по 300—400 пациентов, то в 30-е годы — уже по 800—900, причем увеличилось и число тяжелых больных. Естественно, что это отрицательно сказалось и на больничной смертности (летальности). Так, если в первое десятилетие общая смертность в Голицынской больнице составляла 5—7%, то в 30-е годы она повысилась до 13—14%; впрочем, для того времени это были средние показатели, в других московских больницах показатели смертности были еще выше.

В том, что Голицынская больница, важной особенностью которой была бесплатность лечения бедных и неимущих, уже с первых лет своего существования зарекомендовала себя передовым медицинским учреждением, огромная роль принадлежит профессору Е. О. Мухину; его деятельность во многом способствовала становлению Голицынской больницы как лечебного учреждения, работавшего на передовом уровне тогдашней медицины.

Поступила 15.04.03